
Глава 14 Жди беды

Чжан Вэньхай оставил гору подарков и откланялся, условившись, что через два дня пришлёт за Чу Цы карету, чтобы отвезти его в город.

Проводив гостей взглядом, Чу Цы крикнул в сторону дома: — Матушка, невестка, Сяо Юань, выходите!

Троица поспешила во двор и, увидев груды добра, на мгновение лишилась дара речи от изумления.

Прошло немало времени, прежде чем матушка Чу обрела голос: — Сяо Эр... Он прислал нам столько всего... Уж не задумал ли он чего дурного? Не потребует ли он от тебя невозможного?

В последний раз двор был так забит подношениями, когда Чу Цы только-только сдал экзамен на сюэя — тогда каждая семья в деревне сочла своим долгом прислать подарок в знак поздравления. Теперь же один-единственный молодой господин одарил их так щедро, что на душе у матери стало тревожно.

— Матушка, не беспокойтесь, — успокоил её юноша. — Ничего плохого в этом нет. Ему просто нужен мой совет: он хочет знать, как я готовился к экзаменам. Я обещал через пару дней навестить его.

— Но... а вдруг он поучится у тебя и всё равно провалится? Не станет ли он потом винить тебя?
— Старая госпожа Чу понимала: звание сюэя даётся нелегко, иначе бы вся округа так не гудела, когда её сын добился успеха.

Впрочем, здесь мать немного заблуждалась. Громкая слава пришла к герою не из-за самого звания, а из-за того, в каком нежном возрасте он его получил.

Обычному студенту, желающему стать сюэем, нужно пройти три круга испытаний: уездный экзамен, окружной и провинциальный. Когда система государственных экзаменов только зарождалась, каждый этап состоял из пяти туров. Это требовало колоссальных затрат сил и времени, поэтому основатель нынешней династии, Тайцзу, велел упростить порядок. Теперь на каждом этапе требовалось выдержать лишь одно испытание.

И хотя количество туров сократилось, сложность вопросов ничуть не уменьшилась. Экзаменационные листы пестрели самыми причудливыми темами, и многим кандидатам с шаткими нервами просто не хватало времени, чтобы дописать работу до конца. Когда бил гонг,

им оставалось лишь с горечью покидать свои кельи.

Поговорив с Чжан Вэньхаем, Чу Цы примерно оценил его уровень. Выяснилось, что тот уже вызубрил все необходимые книги. Проблема была в отсутствии «боевого опыта» и неверном подходе к раскрытию тем. Он верил, что после хорошей встряски и тренировок парень непременно сделает шаг вперёд.

— Вряд ли он станет меня винить. В делах кэцзюй человек лишь прилагает усилия, а остальное — в руках Неба. Я сделаю всё, что в моих силах, а дальше — всё зависит от него самого.

Чу Цы был совершенно спокоен. Даже Конфуций не мог гарантировать, что каждый его ученик станет великим мужем, так с чего бы ему, простому смертному, изводить себя напрасными требованиями?

Видя, что мать и невестка застыли в нерешительности, не зная, с какого бока подступиться к дарам, он сам принялся вскрывать узлы и корзины. И чем больше юноша видел, тем интереснее ему казались эти Чжаны.

Среди съестного обнаружилось тридцать цзиней свинины, две крупные рыбы весом в пять-шесть цзиней каждая, пара кур и с десяток цзиней баранины. Помимо этого — свертки с печеньем, сладостями и цукатами, кувшин доброго вина и сверток с чаем. Из вещей прислали два отреза тонкого хлопка, несколько катушек цветных ниток, набор игл разного размера и даже большое бронзовое зеркало.

Словом, подарки были на редкость практичными.

Но среди всего этого лежал деревянный футляр с корнем старого женьшеня. На вид ему было лет пятьдесят-шестьдесят. Аромат густой, качество отменное — одна такая вещица потянет на сотню лянов, да и найти её — большая удача.

Чу Цы любил иметь дело с умными людьми. И судя по этим подношениям, отец Чжан Вэньха был человеком в высшей степени проницательным.

Он тут же распорядился добром: всё съестное отдал матери, велел припрятать на кухне — что-то засолить, что-то закоптить, а что-то подвесить к стропилам.

Ткани и нитки Чу Цы передал невестке, попросив сшить каждому в доме по новому платью. Зеркало тоже досталось ей — в конце концов, женщинам такая вещь нужнее.

Перед тем как отдать подарок, он мельком взглянул на своё отражение. Картинка была не слишком чёткой, но куда лучше, чем в воде. Юноша смутно угадал в чертах прежнего владельца тела сходство со своим прежним обликом, разве что сейчас лицо казалось совсем юным.

Шэнь Сюнян, получив зеркало, едва не расплакалась от волнения. За всю свою жизнь она видела своё отражение лишь однажды — в день свадьбы, когда её мать, переборов стыд, одолжила вещицу у дальней родственницы. А теперь у неё была собственная ценная вещь, да ещё и побольше прежней.

«Если беречь его, то со временем можно будет отдать дочке в приданое»

Шэнь Сюнян невольно коснулась своего живота.

Чу Юань, почуяв сладкий аромат лакомств, уже извёлся от нетерпения. Стоило бабушке собрать корзинки, как он тут же принялся ластиться к ней, выпрашивая угощение.

Сам же Чу Цы взял шкатулку с женьшенем и надёжно спрятал её в своей комнате. Эту вещь он решил поберечь сам — от греха подальше, а то ещё примут за обычную редьку и сварят в супе.

Следующие два дня он провёл за книгами, которые прежний владелец тела штудировал перед экзаменами. В голове у него начали складываться первые наброски плана обучения. Хотя память оригинала была при нём, Чу Цы предпочитал пропустить знания через себя, чтобы они окончательно уложились в сознании.

Для сдачи на сюояя необходимо знать назубок «Лунь Юй», «Мэн-цзы», «Шу цзин», «Ши цзин», «Ли цзи» и «Цзо чжуань». Общий объём этих трудов составлял чуть более четырехсот тысяч иероглифов. Молодой человек управился с ними за полдня.

Собственно, он и в своём мире читал эти книги. Старый профессор на их кафедре никогда не скупился на списки литературы и обожал во время лекций внезапно перескакивать с темы на тему. Если не прочтёшь всё заданное, за его мыслью было просто не угнаться.

Убрав книги обратно в сундук, Чу Цы собрал небольшой узелок с вещами. Оставалось только дожидаться утра, когда за ним приедут люди Чжана.

Должно быть, Чжан Вэньхай истомился от ожидания, потому что едва забрезжил рассвет, как карета уже стояла у ворот.

Благо юноша встал заранее и уже заканчивал завтракать. Благодаря подаркам в доме Чу воцарилась праздничная атмосфера — мясо теперь не переводилось на столе. На завтрак подали большие паровые пышки с мясной начинкой, ароматные и сочные.

Чу Цы завернул пару штук кучеру, который ждал снаружи. Старик с улыбкой принял угощение своими мозолистыми руками и спрятал за пазуху, решив отвезти домой и разделить с семьёй.

— Господин, садитесь покрепче, старик трогает! — весело крикнул кучер и прищёлкнул кнутом. Лошадь резво пустилась вскачь.

Едва они тронулись, как лицо молодого человека исказилось в гримасе. Его немилосердно трясло. Дорога через деревню была ещё сносной, но рытвин хватало, и на каждой кочке его подбрасывало до самого потолка кареты.

Когда они наконец добрались до города, Чжан увидел перед собой бледного, вконец измученного Чу Цы.

— Брат Чу, что с вами? Вы нездоровы? Я сейчас же велю послать за лекарем!

— Не стоит, брат Чжан, — выдохнул юноша. — Это просто дорожная усталость. Найдите мне место, где я смогу немного прийти в себя, и этого будет достаточно.

В тот момент он почти отчаялся при мысли, что это его единственный способ передвижения на ближайшее время.

— Хорошо. Сяо Чэн-цзы, живо проводи брата Чу в гостевые покои. А я велю на кухне приготовить какой-нибудь укрепляющий отвар.

Хозяин дома искренне заботился о здоровье гостя. До уездного экзамена оставалось меньше четырех месяцев, и если Чу Цы сляжет, у кого он будет учиться? Преподаватели из академии Цишань уже вежливо дали понять, что ничем не могут ему помочь.

Чжан и сам бы не прочь поучиться в уездном училище, там наставники куда сильнее, но едва там узнали, что он в свои годы всё ещё туншэн, перед ним просто закрыли двери. И никакие отцовские деньги не помогли.

Чу Цы последовал за слугой. Гостевая комната оказалась обставлена не хуже хозяйской спальни в зажиточном доме — всё располагало к отдыху.

Едва коснувшись мягкой постели, он почувствовал, как напряжение покидает его уставшее тело...

Когда Чу Цы проснулся, солнце уже вовсю заливало комнату — дело шло к полудню. Он потянулся, поправил одежду и вышел за порог.

— Господин Чу, вы проснулись! — Сяо Чэн-цзы, сидевший на ступеньках, тут же вскочил на ноги. — Молодой господин велел мне ждать здесь и, как только вы встанете, сразу вести вас обедать.

— Благодарю, — кивнул гость и последовал за слугой.

Поместье Чжанов было выстроено в типичном сучжоуском стиле: изящные мостики над водой,

вьющиеся тропинки, тихие уголки. Даже гостевая комната была продумана до мелочей: зимой она была защищена от северных ветров, а летом в ней гуляла прохлада. Жить в таком месте было одно удовольствие.

Вскоре они добрались до столовой. Остальные домочадцы уже пообедали, так что Чу Цы сидел за столом один. Под любопытными взглядами слуг он держался совершенно непринуждённо. Ел он неспешно, и в каждом его движении сквозило благородство, которое невозможно было не заметить.

Окончив трапезу, он отправился в кабинет.

— ...Доброта человеческой природы подобна стремлению воды течь вниз. Нет человека, который не был бы добр, как нет воды, которая не стремилась бы вниз.

Ещё не дойдя до дверей, он услышал мерное чтение. Учитель сбавил шаг и заглянул в окно. Чжан Вэньхай, зажмурив глаза и мерно покачивая головой, нараспев читал главу «Гао-цзы» из книги «Мэн-цзы». Выглядел он при этом на редкость одухотворённым.

«Классика жанра»

В том отрывке, что сейчас декламировал его подопечный, Мэн-цзы пространно рассуждал о благой природе человека. Спор о добре и зле в людских душах вёлся веками, и разные школы написали на эту тему горы книг. Однако Чу Цы по опыту знал: власть имущие больше всего жалуют именно теорию «благой природы». Поэтому, если на экзамене попадётся такая тема, нужно всячески её поддерживать, подкрепляя вескими доводами.

Он негромко постучал. Чтение тут же оборвалось. Молодой человек распахнул дверь и, увидев Чу Цы, просиял.

— Брат Чу, как вы себя чувствуете?

— Премного благодарен за заботу, мне уже лучше. До моего слуха донеслось, что вы читали «Мэн-цзы». Удалось ли вам почерпнуть что-то новое?

— Мэн-цзы — муж мудрости, равный святым. Каждое его слово полно истины и заставляет сердце трепетать, — с пафосом изрёк Чжан Вэньхай, возведя очи к потолку. Ответ был из тех «универсальных» фраз, что подходят ко всему и ни к чему одновременно.

Чу Цы едва сдержал смех. Этот ответ напомнил ему школяров из его прошлой жизни, которые заучивали готовые клише для сочинений: мол, мир всегда несправедлив, автор всегда непризнанный гений, а лирический герой вечно тоскует по дому.

Слова звучат красиво, наставники довольны, но за ними — звенящая пустота и ни капли

собственного смысла.

— Отраднo видеть в вас такое глубокое понимание, брат Чжан, — юноша сел за стол, слегка откинулся на спинку стула и, сцепив пальцы в замок, пристально посмотрел на ученика. На губах его заиграла многообещающая улыбка. — Раз вы так прониклись этим текстом, будьте любезны — растолкуйте мне смысл того отрывка, что вы только что прочитали.

У Чжан Вэньхая внутри всё как-то подозрительно ёкнуло.

Если бы он мог заглянуть в класс 10-«Б» первой средней школы города А, он бы услышал от учеников единодушное предостережение: «Жди беды!»

Старина Чу не зря считался грозой кафедры словесности. Неужели этот наивный юноша думал, что отделается общими фразами?

<http://bllate.org/book/15354/1416946>